

исповедь начинающего фотоохотника

ПТИЧКАНУТЫЕ



Михаил Анненков

Птичканутые. Исповедь начинающего фотоохотника

<https://litres.ru/74559868>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге я рассказываю то, о чём обычно молчат даже с близкими.

Это исповедь птичканутого — человека, которого фотоохота и наблюдение за птицами поглощают без остатка, вытесняя работу, семью, отпуска и все другие увлечения. В каждой главе — живые, увлекательные истории о страсти, граничащей с одержимостью. Они переплетаются с честным самоанализом: я разбираюсь в своих страхах, сомнениях, самообмане и ищу ответ на вопрос «зачем мне всё это?». Ища ответ я докапываюсь до корней: до отца-охотника, до детства и до того, почему мы поступаем так, а не иначе.

Здесь есть лайфхаки для начинающих фотографов-натуралистов и приключения для тех, кто любит путешествия и природу. Но главное — это книга о поиске счастья и о том, как страсть к своему делу порождает жажду жизни.

Я писал её, чтобы вдохновить читателя найти увлечение по душе и стать чуть счастливее.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. ПЯТЬ ТЕТЕРЕВОВ СОМНЕНИЙ	7
Глава 2. НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ	17
Глава 3. ВОДНЫЙ МИР ПТИЦ	25
Глава 5. ЭХО ИЗ ДЕТСТВА	50
Глава 6. ВОЛШЕБНЫЙ ПЕНЕК	52
Глава 7. ДАЧА НА СДАЧУ	66
Глава 8. ИСТОРИЯ РЕЗКИХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Михаил Анненков

Птичканутые.

Исповедь начинающего фотоохотника

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как же так всё сложилось, что я оказался 23 февраля здесь, на кладбище... ночью... терзаемый одной лишь абсурдной мыслью: надевать белый маскхалат или тогда нас всех точно заберут в психушку?

Что привело меня, 50-летнего мужика, отца троих детей, бизнесмена, наконец, и, с виду, приличного человека, в ситуацию, когда я, жадно вслушиваясь в шорохи зимних кладбищенских елей, плююсь сквозь тёмные лапы и надеюсь угадать в них хоть какое-то движение?

Нет, в руках у меня не осиновый кол, и я трезв. Более того – сегодня, день в день, ровно 13 лет, как я АБСОЛЮТНО трезв. Но, вероятно, неизлечимо и приятно болен пространной “птичьей болезнью”.

В руках у меня фотокамера с тяжёлым телевиком, а в сердце – необъяснимая, тянущая страсть.

Ровно три года назад я, тогда ещё совершенно нормальный человек, снял в парке снегиря на кормушке и как-то умудрился заразиться, хотя не касался ни его, ни кормушки. Через объектив я вкусил этой страсти, с годами достиг какой-то пугающей одержимости и боюсь, что обратной дороги нет. Только, видимо, на кладбище.

Нет, конечно, я пришёл сюда не праздновать юбилей, упаси Бог. Просто вчера днём в садовом товариществе «Полянка», которое, волею providения, граничит с территорией старого Филейского кладбища, слышали токование совы. Ошибки быть не могло, голос длиннохвостой неясыти определила профессиональный орнитолог. Голос доносился из ветвей тех самых елей, под которыми я и стоял... Мы стояли – три сумасшедших бёрдвотчера.

Ночью, перед рассветом, с огромными телеобъективами на шеях, мы включали на блютуз-колонке брачное уханье совы и, замирая, ждали отзыв.

Отзвука не было.

Но ответ угадывался:

– Шли бы вы спать!

У меня нет объяснения, что мною двигало в этот момент. Более того, я затеял писать эту книгу, как раз пытаюсь разобраться в природе этой необъяснимой, а иногда даже пугающей страсти.

Уже больше половины историй написано, и я пытаюсь собрать их воедино, сформулировать общую концепцию кни-

ги. Мне казалось, что, когда я осознаю общую канву, я опишу её в предисловии, чтобы люди, которые ещё пока здоровы или уже так же, как я, беспросветно одержимы, смогли понять, стоит ли им читать, а вернее – слушать эту аудиокнигу.

И когда сегодня утром, стоя в полной темноте могильных аллей, я боролся с мыслью о белом маскхалате, я понял – вот оно, предисловие. Ярче суть мне не описать!

Как так сложилось, что в жизни взрослого, состоявшегося человека исчезают дела и смыслы – и всё ради того, чтобы оказаться с камерой ночью на кладбище, в предвкушении выманить на голос сову?

Как и почему до этого дошло – вот вопрос, который последние месяцы я всё чаще задаю себе и ищу ответ.

Глава 1. ПЯТЬ ТЕТЕРЕВОВ СОМНЕНИЙ

– Пяять, пяять те-те-ре-вов...

Передние зубы едва сжали мягкий пластик красного манка на рябчика, чтобы расслабить губы и дать им передохнуть. Выдувать эту фразу несложно, но, если манок зажимать чисто между губами, то для выдувания «фразы» приходится держать в напряжении дежурную улыбку до ямочек на губах, а от этого с непривычки устаёшь. Не все же заканчивали музыкалку по духовым, кто-то и бросил после первого класса, не будем показывать пальцем...

Тишина, нет ответа. Ну давай, давай, дорогой...

– Пяять, пяять те-те-ре-вов...

Тишина.

Да он издевается! Ведь только что откликнулся, и я точно слышал, как голос приближается. Шёл же ко мне! Куда пропал?!

В нарастающем разочаровании я всё чаще ёрзал и озирался сквозь полупрозрачные стены скрадка. Приходилось пучить глаза и постоянно рыскать взглядом, чтобы поддерживать фокус на кустах снаружи, а не на микродырчатой ткани, которая скрывала меня внутри палатки. Какой-то оптический сбой. Взгляд постоянно перескакивал на ткань и пе-

реставал что-то видеть за стенкой. Тренировка длилась уже второй час...

Первый выход с этой чуднОй палаткой пока не радовал. Повёлся на голимый маркетинг и купил этот магический куб – засидка односторонней прозрачности давала обзор изнутри, но, как обещали в рекламе, оставляла «квартиранта» невидимым снаружи. Прогресс преподносит всё новые способы выманивания денег. И как так получается, что расстаёшься с ними в удовольствие?! Такой шопоголизм кажется святым под соусом любого хобби.

Кстати, о выманивании. Минута прошла? Ещё разок.

– Пяять, пять те-те-ре-вов, впе-ре-ди...

Кто вообще придумал манить рябчика на «тетеревов»?! Но это классическая схема выдувания песни на манке, которую пишут во всех инструкциях, и ютуб-охотники смешно артикулируют губами, когда учат по этой схеме манить рябчика. Я её немного доработал фразой «впе-ре-ди». И мне самонадеянно кажется, что в этом есть фишка. В одном из вариантов позывок самца, в приложении на смартфоне, услышал, что повторная фраза имеет интересное удлинение в виде дополнительных трёх тактов – «впе-ре-ди». Вот и решил это использовать и придумать к тетеревам продолжение – «Пяять, пять те-те-ре-вов впе-ре-ди!». Для меня это вообще спасение. Я бы свихнулся от монотонного повторения одной и той же фразы, как попка-дурак. А тут разнообразие, какое-никакое творчество, упражнение художественно-

го свиста.

У меня в машине на зеркале заднего вида висит на ниточке манок, я в пробках, от нечего делать, бывает, упражняюсь, представляя себя на воле-на приволе))) Смешно, наверное, выглядит со стороны, из соседних машин, если кто обращает внимание. Сидит седой дядька и по красному свистку губами елозит.

Вообще меня эти манки на рябчика совершенно покорили. Продаются всяких мастей и тональностей на маркетплейсах. Есть даже мастера, которые хендмейд из латуни льют, дорогушие. Так и подмывает начать коллекционировать. У отца когда-то был металлический, настоящий охотничий манок, намоленный, с запахом пороха... Наверняка лежит где-то у мамы среди бережно сохранённых отцовских охотничьих причиндалов, ждёт второго перерождения – теперь уже в моих губах. Я найду тебя, это важно теперь...

Ну, где ты, рябой, где ты? Вчера я тебя здесь впервые слышал и сразу выманил – под камеру. Я ж даже в машине сидел, высунувшись в окно: чёрная гора драгметалла посреди леса, и ты не испугался, спокойно вышел. А сейчас что? Я в дорогушем суперскрадке, во всеоружии, заливаюсь на два манка – и ноль реакции. Неужели ты вчера просёк, что нет здесь никаких сородичей-соперников и всё это происки человека? Ну не знаешь же ты про фотографов, не понимаешь же, что тебя тупо выманивают?.. Или всё-таки понимаешь?..

Я, как филин, вслушиваюсь в шорохи, направляя ухо-ло-

катор в отверстие бойницы, из которой торчит телеобъектив. Там, в районе бленды, специально оставлен уголок, не прикрытый, чтобы можно было чистым взглядом видеть пенёк, на который хочется выманить рябчика. Для уха тоже подходит, но сейчас слышно лишь ветер осенней, подсыхающей и желтеющей листвы, какую-то «маленькую серую птичку» вдали и едва различимый шум моторчика автофокусировки. Больше никого – осень, все уже спешно сваливают на юга.

Хотя это, конечно, обманчиво. Если включить «Мерлина», приложение для распознавания голосов птиц, он тут же расслышит и отыщет среди пустого для меня фонового шума ещё пару-тройку видов птиц. Так всегда бывает: он слышит лучше меня, но я уверен – не рябчика! Сейчас всё моё внимание на этот отклик, а он пропал, и «Мерлин» не поможет.

Ну всё, хватит, «сматываю удочки»! Не до ночи же тут сидеть – задница онемела, не молода уже. Хотел бы – вышел! Может, палатка эта новая – палёная, «подсунули копию какую-то левую», как сказал бы Брат. Хоть и камуфляжная расцветка, и полупрозрачная ткань – вдруг они палят меня внутри. Мы своими глазами не видим на просвет чудо-материю, а птицы вдруг видят? И ржут-чирикают! Чуют же собаки, чего мы не чуем, и слышат. А коршун вон с неба мышшь в траве рассматривает на раз-два. Вот и тут, может, этот рябой меня сечёт сквозь дырочки этой чудо-юдо-палатки? Ведь приближался же голос, он явно шёл на манок, и как обрубил. Всё. Встаю. Задолбался!

Стул-раскладушка скрипнул от рывка, и я, не рассчитав, упёрся головой в перекрестье палаточных реек на крыше. Засидка даже подпрыгнула на месте. Гы, да с ней же так и передвигаться можно! Головой приподнял да пошёл по лесу, балансируя, как восточные женщины с кувшином на голове. Длинный замок молнии предательски громко, продолжительно вжикнул – и выход в свет распахнулся. Вышагиваю, как цапля, наружу и щурю глаза.

Так, надо сперва забрать блютуз-колонку. Это главное. Она всегда забывается, поскольку висит в кустах и не на виду. Всё вокруг соберёшь, а про «певца» на том конце фото-выстрела часто забываешь. Плавали – знаем, потом возвращайся и пили за ней 50 километров. Так что перво-наперво – снять с ветки колонку! Где же она? Выбрал себе маскировочную расцветку, мамкин эстет, блин, вот и ищи всякий раз.

Колоночка, конечно, запекает лучше меня, спору нет. В приложении на телефоне и голосов набор больше, и реально отписанные трели живых рябчиков, а не мои наивные рулады о пяти тетеревах. Колонка – сто пудов лучше! Ну так я ж на неё и начинал звать! Что не так? Не сам дудел – она манила! По всем канонам голосил, через паузу. На самку рябой не повёлся, а на самца пошёл выяснять отношения. Всё хрестоматийно, спарринг вокалом. Я поманю – он ответит... Через минуту – снова я, и снова ответит, но уже ближе. Так и двигались навстречу успеху, но что-то пошло не в такт. В какой-то момент парень соскочил с дуэли и замолк. Я уж ему

потом и самочку предложил, и звуки перепархивания. Перестал отзываться.

Я же САМ за манок взялся и засвистел потому уже, что потерял надежду. Дурака валять начал, пустившись в эксперименты. Я правильно понимаю: на самку он не пошёл, а на самца ринулся, потому что свои угоды стережёт? Так вот, на тебе нашествие печенегов! На твоём участке два чужака трутся – гоу к нам!

А может, это меня и спалило? Парень напрягся и унёс ноги. Вдруг я так натурально отсвистывал, что в хохлатой голове представился головорез, от которого стоит держаться подальше? Смешно, конечно. Ладно, пора валить. Так, вот присада, вон колонка. Иди ко мне на ручки...

БАХ! Прямо из-под ног, в двух шагах от колонки и того самого заветного пенька-присады, взлетает рябчик и, напугав меня до крайности, уносится в чашу. Эээээ! Так ты тут был, рядом! Поросёнок! Чё не отзывался-то? Ходил, бродил вокруг, сканировал, а я тебя и не видел. Ооооо, бооооль! Так всё-таки вышел он, это я, дурак, не отдупил! Что же это, как же это? Возвращаться и сидеть дальше? Или уже не вернётся же ж...

Да ну, нафиг! Что я, как пацан, сижу тут, кукую...! Взрослый мужик, шёл бы поработал)))

Ну правда, кто ты вообще? Внутри зашуршал своим хитином по извилинам просыпающийся червь сомнения. Фотограф? Ну нет же, ты свои фотографии на винчестер скла-

дываешь, никуда неставляешь, мало кому показываешь и уж точно не зарабатываешь на этом. БизнЕсмЕн? Тогда что ты тут в лесу делаешь, иди рули бизнесом, проблем, что ли, мало? За это время, что ты тут в кустах прячешься, уже решил бы пару реальных проблем в кабинете. Если бы всё твоё время, что ты носишься со своим «телескопом», как называют его случайные прохожие, ты бы думал о своей компании и двигал её, вы бы уж, наверное, стали «номер один в России»... Ты уж определись! А то завис посреди леса и болтаешься, как на качелях: в машину садиться или в засидку. Что стоишь, качаясь, «толстая детина»?

Какой омерзительный тип! Ну почему он всё время вылезает? Где он там дремлет, этот червь, в каких чертогах разума прячется? Каким антипаразитарным средством его вывести? Небось буддисты знают. Знают и молчат. А мне непонятно, и я стою на импровизированной сцене с заветным пнём, на который так никто и не прилетел. Смотрю на всю эту красоту критичным взглядом, выискивая несовершенство в композиции и совсем не замечая самого благолепия природы, а оно – вокруг.

Уже невысокое и оттого быстрое осеннее солнце пробивается сквозь нависшие кроны сосен. Сквозь эти игольчатые облака крон, как сквозь дырки в заборе, пробиваются к земле редкие лучи и выхватывают из тёмного мохового ковра пятна причудливого узора. Солнце плывёт, и от этого зайчики тоже переплывают меж замшелых кочек. Вот и к мо-

ему пеньку подобрался луч. Выхватил из бурелома яркие, пёстрые и сочные цвета и текстуры – вспыхнули скомканной гирляндой ягоды рябины. Шедевральный мог бы сложиться кадр! Задний план – в густой холодной темноте бора, на контрасте с залитым осенним светом воображаемым рябчиком.

Избранный мной для присады ровный, как перевёрнутый котелок, заросший каким-то неведомым мхом-ягелем пенёк настолько фактурен, что так и манит пожать, погладить. Он стоит аккуратным постаментом, и сам по себе от природы великолепен, однако мой странноватый вкус зачем-то решил его ещё окультурить. Я отыскал в окрестностях красивую разлапистую и подёрнутую зеленью коряжку, притащил её и водрузил, прислонив к дальнему от скрадка краю пня, так что получилась босякская пародия на трон из «Игры престолов». Мало того, я ещё зачем-то рябины гроздь сорвал и тут же примастырил для яркости пятна в кадре. Ну какая рябина на земле, да ещё чтобы гроздь лежала на мху ягодами кверху – ну это же голимая постановка!))) Ан нет, так надо! Котелок должен быть в корягах и рябине по уши!

Луч солнца, соскользнув с пенька, проплыл дальше по своим делам, и вся магия с моей сцены растворилась в однотонном серо-зелёном массиве теней. Смотреть стало не на что, и я завис в растерянности.

– Пяять, пяять те-те-ре-вов... – вдруг ворвались в мой мозг совершенно с другой стороны, не оттуда, куда метнулся поднятый рябчик. Сбиваемый листвою голос пробирался ко

мне между стволов и кустов из глубины бора.

Мысли остановились, сомнения исчезли, реакция сработала мгновенно. Ноги подкосились, и, зачем-то наклонившись, я на цыпочках опять, как цапля, плавными шажками, смешно забрасывая подальше вперёд ногу, пробираюсь в сторону засидки. Отыскивая место под всякий шаг для ноги, чтобы не хрустели ветки, я буквально проскакиваю в палатку и едва ловлю выпрыгивающее от возбуждения сердце. Благо колонку не успел снять с куста, засмотревшись на картинную красоту осеннего бора. Левая выхватила мобильник, правая взвела электронный затвор, включив камеру, – всё остальное превратилось в слух и зрение.

Кого я обманываю?! Мне же это нравится, безусловно, я же хочу здесь быть. Смотри, как метнулся к камере, едва слышав свист! – во мне снова пошёл внутренний диалог. Я счастлив здесь! И пусть он не откликается, пусть даже не появляется, я всё равно буду сюда ездить, маскироваться, манить. Я знаю: он здесь, и это лишь распаляет азарт. Именно это знание запускает не столько фантазию, сколько смекалку. В таком состоянии и возникают разные схемы, дерзкие планы, разные ухищрения и даже спонтанные покупки))) Этот тянущий страсть познавательный интерес может неделями держать тебя в книгах или видеосах ютуба в поисках ответов всего на один вопрос. Как снять эту птицу?

К чёрту свисток, буду манить только на колонку! Разбужив смартфон, я быстро раскрыл приложение с рябчиком на

борту и выбрал в меню «Позывки самца».

Глава 2. НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

Ключевой, но стандартный вопрос, на который каждый бердвотчер должен заранее выучить и отрепетировать драматургичный ответ, звучит примерно так: «Ну... вот ты же раньше был нормальным... а с чего вдруг птицы? »

Три года назад в соцсетях мне всё чаще почему-то стали попадаться удивительные фотографии птиц. Я с восхищением рассматривал крупные портреты невиданных так близко пернатых, которых снимали буквально в окрестностях нашего города. Поражало и разнообразие: где вы нашли всех этих птиц, у нас же одни воробьи да голуби?! Не меньше удивляли и крупные планы, детали, пёрышки и волоски вокруг клювов. Такого раньше я не видел, а тут условные соседи с нашей улицы такое снимают.

И вот под этими нарастающими впечатлениями мы с женой решили прогуляться по Заречному парку, в котором ни разу, надо сказать, и не бывали. Под некоторыми фотками авторы писали, что жар-птица снята именно там, и мне казался этот парк каким-то сказочным и чудесным. В мартовской «Заречке» было уютно и по-снежному красиво. Памятник природы регионального значения выглядел девственно диким, из благоустройства в нём обнаружили лишь тропинки, протоптанные гуляками, а не прогребённые тракторами. Видно было, что в парке не ходят толпы, а гуляют ред-

кие ценители.

По справке в сети я узнал, что парку уже около 100 лет, на территории в 230 гектаров как-то умещались пара десятков мелких озёр, образующихся от паводка на берегу Вятки. Кругом, как видно было на карте, полукруглыми гривами росли разные хвойные деревья, кустарники и растения, некоторые из них были занесены даже в Красную книгу.

Годом позже, когда я вдруг начал считать количество видов, снятых мной, и вести учёт на сайте iNaturalist, я полюбопытствовал и обнаружил, что на территории Заречного парка за несколько лет нашими птичниками было снято чуть больше 100 видов птиц! 100 видов, Карл! Скажи мне тогда, что тут такой Клондайк – я бы не поверил! В моей голове, как и у большинства жителей городов, – 5, ну 10 видов: воробы, голуби, синички да вороны. Удивительно!

При входе на деревьях висели кормушки, в которых бойко чирикала и порхала мелюзга. Кормушек было очень много вдоль всех тропинок по лесу, и это завораживало постоянной суетой и щебетом вокруг.

Первая птица, которую мне очень захотелось снять, был обычный снегирь. Их, кстати, в городе совсем редко встретишь, а если не приглядываться, так и вообще можно годами не замечать. И снегиря очень самонадеянно было решено снять на то, что нашлось в кармане, а значит – на смартфон. Да только незадача – подойти к птице на близкое расстояние оказалось нереально, снегиря на снимке было не разглядеть.

Как же так? Вот фотки в «ВКонтакте» – крупнейшего, детального снегиря, а у меня что?

Стало очевидно: у меня нет ни опыта, ни техники для красивых птичьих снимков, и надо бы всем этим обзавестись. Я неспешно отправился в ютубы-интернет, чтобы узнать, как снимают птиц. Пошарил по шкафам и откопал там камеру из прошлого увлечения стритфотографией. Нашёл там и минимальный из возможного телеобъектив 24–240. И в следующий раз, если судить по хронологии фоточек на смартфоне, я вышел в поля только спустя 3 месяца после майских праздников. Я вижу смешное, но очень мужественное селфи с биноклем и телевичком на 240, а за ним следом – кадры сойки, трясогузки и дрозда рябинника. Снимки, надо сказать, тоже швах, мало чем отличались от смартфонного снегиря.

А вот дальше прогресс пошел резво и неумолимо. Я нашел в медиатеке лавину парковых выходов, на мне уже какой-то маскировочный антиклещевой костюмчик, первая палатка-скрадок. И через месяц, в начале лета, я уже снимал кормления дятлом птенца в дупле, колонию береговушек, купающуюся зеленушку, краснолицего «Витю видел» и даже чомгу у яркой желтой кувшинки. Это меня сильно порадовало. Видимо, после неудачного снегиря вызов был принят, я много думал, изучал и с прилетом птиц страстно рванул в поля-леса ловить кайф и открывать для себя великое разнообразие птичьего царства. Мы ведь городские: пока не

посмотрим в эту сторону, думаем, что вокруг нас только воробы. А тут всякий раз, снимая новую птицу и разглядывая ее потом близко на экране, как будто клад находишь!

В те первые месяцы я неприлично атаковал уже матерых местных фотографов и предлагал за любые блага научить меня снимать птиц. И мне помогали, со мной щедро делились опытом, рассказывая и про маскировку, и про подманивание с колонки, давали приложения с голосами и даже первые точки с птицами. Я невероятно благодарен каждому, кто тогда поделился со мной премудростью, снимаю маскировку и кланяюсь в пол! Вы открыли мне путь к бездонной кладези вдохновения и невероятным приключениям, которые случились со мной в жизни и будут описаны здесь в свое время!

А тот зимний, мой первый по сути бердвотчерский выход, который принёс далёкого, мутного, расплывчатого и скучного, но уже трофейного снегиря, поджёг фитиль, и он всё сильнее разгорался в душе.

Однако я вижу тревожную закономерность. Розовогрудый "нулевой пациент" на кормушке случился со мной 25 февраля 2023 года, а сейчас мир кипит в неистовом 26ом. Прошло три года, и тут надо пояснить.

Что интересного бросилось мне в глаза, когда я листал ленту смартфона? В то время я слегка прихварывал формикариями. У меня вся медиатека в кадрах, как я режу из дерева муравьиные жилища. Я был полностью поглощён этим занятием, к которому подтолкнул меня средний сын, увлёк-

шийся не на шутку муравьями. Он так заразительно рассказывал, как они устраивают свои муравейники, что там есть родильные дома и кладбища, столовые и спальни, бараки и арены. Я так вдохновился, что полез в сеть искать картинки муравейников в разрезе. И натолкнулся на деревянные формикарии, в которых на вертикальном бруске были вырезаны ходы, комнатки, и за прикрученным к спилу оргстеклом всё это было видно. Я перестал спать))) Накупил брусков и пенечков разных пород, обзавёлся модной бормашинкой с фрезой для дерева. День и ночь резал склады, тропинки, роддомы и, конечно, кладбища в спилах, и обязательно, чтоб было всё под стеклом. В нашем доме до сих пор стоит выставка этих удивительных поделок, за которые мне даже не стыдно.

И вот, глядя на эти снимки формикариев, я чётко вижу границу: когда они исчезли, хобби остановилось. Снегирь словно выклевал из моей головы муравьёв!!! А ведь я не спал ночами и был истово и глубоко увлечён этим строительством, но появился первый снегирь...

Точно так же ушёл в запас и бег. Эти хищные птицы буквально отобрали у меня кроссовки!!!! Я бегал несколько лет, немного, километров по пять, но постоянно и в разных городах. Бегал рано, в 5:30 утра, и даже зимой, в 20-градусный мороз. В первую после снегиря весну, когда бегать стало уже светло, я на пробежки брал с собой компактную камеру с зумом на 200 мм. Она почти уместилась в кулаке, и, казалось бы: я бегу, смотрю по сторонам, а если вдруг что-то необыч-

ное увижу, то остановлюсь и буду снимать. Но с первого же раза стало очевидно, что всё не так просто.

Как только я добегал до набережной, то неожиданно мозг переключался в режим фотографа – озираясь, выискивая и прислушиваясь. И от моего любимого бега остался только мизер — пробежать до набережной, чтобы начать снимать. Очень скоро я пришёл к мысли, что 200-миллиметровый компакт – не лучший спутник на таких пробежках, а лучше всё-таки взять 600. Однако бежать с рюкзаком, в котором 3 кг фототехники, – это совершенно очевидный бред, да и зачем бежать, ведь можно быстро дойти. Ну, вы понимаете, куда пошёл бег? В топку! Птицы его просто вынесли с трассы в первый же месяц.

И если раньше я в командировки и отпуска с собой тащил беговую форму, то теперь кроссовки просто не вмещались – их место занимал объектоc! Ну, никак не уживалось увлечение птицами с другими хобби, хотя и совершенно логичными. Ни с бегом, ни со стритфотографией, ни даже с совершенно непричастным вейкбордом. Возмутительно! Что не так с этими птицами!?

Я в то время ещё катал на лебёдке по воде и прыгал с трамплинов на доске, но вокруг этого загородного вейк-парка оказался прекрасный биотоп... Ну как – озеро, кусты, неподалёку река Вятка, лески, соснячки. Я, когда, гоняя по волнам, увидел крачку на берегу, решил, что в перерыве между покатушками надо непременно взять сап и с камерой

до неё попробовать догresti. Как вы думаете, сколько после этого продержался вейк? Вся амуниция и снаряга лежат теперь в кладовке, заваленные палатками, маскировками, резиновой лодкой, охотничьими лыжами. Нет в моей жизни больше вейкборда. Есть только птицы... Куда их столько?

У меня вообще было много увлечений. Я страстный и запойный хоббист, нас таких много. Но обнаружилась неумолимая статистика: мои увлечения держатся три года. Нет никакого графика и внутреннего будильника, я не знаю, как это вообще всё происходит в моей голове, но увлечения меняются примерно каждые три года.

Были у меня и автогонки, и бег, и виндсёрфинг, и горные лыжи со сноубордами, стритфото, качалка, картины маслом, музыкальные инструменты, да столько всего! Но по три года...

Вот посмотрел я на снегиря, взглянул на дату с щемящим сердцем и посчитал, что от февраля 23-го до 26-го – ровно этот срок, и стало мне как-то не по себе. Нет, я по-прежнему горю и не сплю, меня тянет снимать, и рюкзак с камерой уже в 5 утра поставлен к двери квартиры, чтобы по дороге на работу не забыть его прихватить, потому что в парк вчера прилетели свиристели. Но как-то тревожно.

И я листаю медиатеку в смартфоне: первый снегирь, потом синички, дятел, ну вот весь этот зимний набор начинающего бердвотчера. Рассматриваю мутноватые, тёмные, замусоренные ветками, размытые шевелёнкой первые снимки

и прикрываю стыдливо глаза. Такое, наверно, испытывает каждый, глядя на свои первые работы. И по-честному, такая птаха – как первая из упавших доминошек, запустившая цепную реакцию, совершенно не тянет на поворотный момент жизни. Возможно, он лишь повод взять камеру, а истинная причина зарыта где-то глубже? А снегирь – вот он: лежит на поверхности, точнее, сидит на кормушке – тот, кто спустил этот курок.

Глава 3. ВОДНЫЙ МИР ПТИЦ

Районному охотоведу ещё в былые времена выдавали блага, недоступные рядовому советскому гражданину. Отец всю жизнь отработал, охраняя природу, и ему был положен служебный транспорт: уазик, снегоход и лодка. Лодка, а я бы сказал — целый катер с символичным названием «Крым», меня всегда интересовал больше всего. Возможно, потому что в детстве мы часто на нём катались семьёй по Вятке.

К середине первого лета, уже обсняв вокруг большинство легкодоступных видов, я начал засматриваться на водную гладь и вспомнил про давно ржавеющий в гараже отца, сто лет назад списанный, с пробитым дном «Крым». А что если его восстановить и попробовать поснимать с воды? С этого безобидного вопроса и началось обострение с выходом в открытые просторы. На Вятке многие снимали птиц с берега: куликов там разных на пролёте, цапель издалека. А что если на катере они будут подпускать, как на машине, гораздо ближе? Очень хотелось проверить это предположение, но пробы вырисовывались хлопотными и недешёвыми.

Я закинул удочку отцу — он тогда уже был прикован к постели и с радостью благословил мне своего боевого коня, а вернее дельфина, на вторую жизнь и служение природе. У меня был план, как перевезти и восстановить лодку в Кирове. Для эвакуации была куплена тележка со всем необхо-

димым оборудованием: лебёдкой и световыми приборами. Я бы один со всем этим не справился и даже не взялся, если бы не великий главный инженер всех наших радиостанций Женья, впоследствии получивший звание «Степан-капитан». Человек с золотыми руками, добрым сердцем, светлым взглядом в будущее и пустым гаражом в Кирове. Он так загорелся идеей восстановить судно («У нас будет свой катер!»), что, не раздумывая, согласился объединить усилия по его реставрации. Мы договорились, что это будет наш общий катер: с меня — железо, с него — руки.

Мы весело сгоняли за 350 вёрст до Вятских Полян и аккуратно, чтобы не растрясти корпус старого фрегата, прикатали его на верфь в виде Жениного гаража. Там магистр рукоделия за месяц сделал из поржавого остова конфетку. Всё было отпескоструено и покрашено в автомастерской, все механизмы поменяны, новый руль, кнопочный стартер избавлял от дёргания верёвки, сиденья оказались абсолютно целы и были до блеска натёрты ароматным силиконом. Женья умудрился даже где-то заказать и сшить новый тент с окнами, который превращался на лодке в кабину для езды под дождем.

Для катера мы арендовали место на пристани, и Птичий экшн начался с первых выездов! Погода случилась в этот день абсолютно безветренная, и на реке не было ни волнишки. В 6 утра я скользил от солнца вниз по реке, по этому зеркалу, как на коньках, и носом рассекал на воде идеальные

отражения кранов порта, лесов и церквушки на берегу.

Всё самое лучшее, что могло со мной случиться, происходило прямо сейчас, описать словами и выразить это нет никакой возможности. Было так волнительно, что хотелось встать во весь рост и просто кричать, что я и сделал. Рыбаки по кустам переглядывались и, наверно, ржали над странным ковбоем в оранжевом жилете. Я был на седьмом небе.

Первое открытие, которое меня ждало, — это ласточки-береговушки. К тому времени я уже имел опыт их первой съёмки и не назвал бы его удачным. Подобраться по обрыву, чтобы поснимать этих резвых птиц, оказалось не очень-то реально. Кроме того, обрыв был на восток, там, где вставало солнце, и поэтому фотографировать у меня получалось только сверху, да ещё и против света.

Я уже видел в сети захватывающие кадры других опытных фотографов, где ласточки сидят на веточке у своих норок, а некоторые даже кормят птенцов. Очень хотелось такой кадр, но как бы я ни таился и ни подбирался по обрыву, ничего не получалось. Поймать их на лету я никак не мог. При мне они не садились у норы, а влетали в неё как бильярдный шар с треском в лузу. И вылетали точно так же резво.

Я пытался подгадать, в какую нору из сотни в колонии влетит ласточка, и засекал время её пребывания в норе, чтобы начать стрелять серией заранее, — но ничего не получалось. Все кадры летели в корзину. И вот лодочка открыла невероятные горизонты.

Во-первых, ласточки совершенно не боялись меня в лодке, подкатывающего с воды. Видимо, такой опасности они не предполагали. Поэтому я спокойно причаливал в стороне от гнёзд, чтобы не ломиться и не пугать. Теперь моя точка была от солнца, и я получал прямой ракурс на норки с освещённой стороны.

Чудесный день! Я снимал как не в себя. Птицы сидели на веточках, целовались, выглядывали на меня из норок, усаживались на уступы берега рядками, порхали у входов в норки так, что я мог спокойно снимать их в полёте на фоне гнёзд. Чудо! Уже одно это состояние восторга могло перекрыть все наши мытарства и с моторами, и с ремонтом, и даже с раскопками лодки в отцовском гараже. Но всё лето было ещё впереди — это был всего лишь первый выезд!

После ласточек я приноровился снимать куликов на отмели. Тут уже понадобилась изобретательность. Эти ребята покрупнее и более пугливые. Так просто пристать на лодке на гриву, прям носом в пастбище, оказалось нереально. Максимум, что они могли стерпеть, — это водораздел в несколько метров, поэтому первая моя съёмка была на ходу.

Я просто чуть выше по течению глушил мотор, ложился на сиденья, чтобы не торчать над лодкой, и сплавлялся мимо отмели. Приближаясь со скоростью воды, я снимал, пока не сравнился с птицами.

Однако легко сказка сказывается, да не легко дело делается. Лодка по течению без мотора не сохраняет свою по-

литкорректную ориентацию носом вперёд. Её сразу начинает крутить и течением, и ветром, в результате приходилось плясать и вертеться как юла, махая бортами, что, разумеется, пугало всех вольнопасущихся, и они улетали. Несколько дней мне понадобилось, чтобы научиться спокойно снимать.

Первое, что пришло в голову, чтобы ограничить вращение лодки, — это якорь. Идея состояла в следующем. Я также сплавлялся без мотора, но сброшенный с кормы якорь и течение должны были выровнять лодку и остановить. Я планировал сделать несколько кадров, снова поднять якорь, сплавиться ещё метров на пять, вновь бросить груз, отстреляться и повторять операцию, пока не доберусь до кратчайшего расстояния. В этом плане казалось всё блестяще, кроме ещё одной пары рук, которые бы снимали, пока я верёвкой орудую с якорем.

Но надо отметить, что с горем пополам я всё-таки подобрался к куликам гораздо ближе, чем в прошлый раз, и уже поснимал от души. На этой отмели ждали меня и веретенники, и чибисы, и зуйки, и даже кулики-сороки, а иногда и все в одном кадре! В общем, полный балдёж.

Я упивался съёмкой с борта на якорю, бранясь на проезжающие мимо моторки, потому что они поднимали волну, и лодку начало так болтать, что фотать было нереально. Это обозначило ещё одного моего врага — волны. Итого предстояло побороть течение, ветер и волны. Ну как бы нереально без причаливания к берегу. Эту версию я и взял как ос-

новную для дальнейшего развития съёмки куликов.

Ещё несколько выездов — и у меня получилось! Ларчик открывался просто: надо было разогнаться заранее, направить лодку на песочную косу чуть ниже от пасущихся куликов, заглушить мотор, лечь и полностью спрятаться в лодке под маскировочной сетью, не вылезать и даже не шевелиться минут двадцать после причаливания.

Кулики от такой наглости, конечно, поднимались, пролетали над лодкой и, не видя ничего опасного, возвращались на ту же гриву, но чуть выше. Путь их лежал ко мне. Это известная тактика кормёжки куликов: они двигаются вдоль берега в одном направлении, как бы «прочесывая» песок. Я поджидал их, стоя на песке: течение и ветер лодку уже мало колебали, потому что нос крепко завяз.

И каких только кадров я не сделал: и танцы, и червячки в клювах, и спарринг, и отражения, и четыре вида куликов один за другим. В общем, это был поистине пир фотоанималиста. Представить себе такой карт-бланш с подхода по берегу просто невозможно.

Теперь я выезжал на реку постоянно! Особый кайф для меня — это ранние утренние съёмки. Я сам жаворонок, и мне не спится от адреналина и эндорфинов по утрам. Я умудрялся с рассветом погонять по волнам, укатать бак бензина, отсняться, вернуться домой и отвезти жену на работу к восьми утра! Потом ехал в офис сам, преисполненный счастья, в состоянии совершенного восторга. Это были невероятно яр-

кие дни: рассветы, туманы и истинная страсть.

Вот скажите мне, нормальный человек в субботу и воскресенье отсыпается, а это что такое? Как получается, что меня каждые выходные, даже зимой, без будильника подымает нелёгкая ещё затемно?! Спи, восстанавливайся, но ведь нет же! С вечера полежишь, поразмышляешь, как провести викенд, куда сгонять, кого поснимать, и всё, баста! Фотограф спит — служба идёт, предвкушение разгоняет гормоны.

Только заснул — и вот ты уже просыпаешься со странным сердцебиением и начинаешь крутиться в постели. Приоткрыв глаза, видишь на тёмной стене лазерный проектор часов с сомнительными цифрами, например 3:15. Всё понимаешь: что рано, что устанешь уже к обеду и будешь валиться с ног, надо спать дальше, но, думаете, помогает?

Сквозь щёлочку ресниц, чтобы ещё сильнее не растревожить через глаза свой уже возбуждённый мозг, посматриваешь на циферблат и безрадостно отмеряешь 3:20, 3:49 и так далее, пока не махнёшь рукой. Да к чёрту, всё равно не сплю. Тихонько откидываешь одеяло, чтобы не разбудить жену, нащупав телефон и одежду, как воришка, на цыпочках ретируешься на кухню — и начинается новый день, новые встречи.

Ты с нетерпением ждёшь рассвета, чтобы выйти из дома, а чаще и вовсе выезжаешь ещё затемно, чтобы добраться до нужной точки. И бывает даже, оставшиеся минуты до рассвета тупо лежишь в салоне, расправив водительское кресло, отсчитывая мгновения до первой возможности нажать на

спуск затвора.

Как это работает? Какие неведомые силы так будоражат наш дух? Замени камеру на кроссовки, кисти, удочки — и будет всё то же самое, уж я-то знаю.

Однако ближе к августу меня ждал ещё один сюрприз — вдруг попалась на берегу серая цапля. Как я понял чуть позже, потомство цапель окрепло, и они начали самостоятельно вылетать на кормёжку в реку. Птицы с каждым днём становилось всё больше, я начал встречать их до десятка за каждый выезд. Конечно, кулики отошли на второй план, и я переключился на потомков птеродактилей.

До этого момента нормальных кадров с цаплями у меня не было: близко птицы не подпускали, были размытые дальние кадры на фоне противоположного берега реки, но это всё несерьёзно. Хотелось крупняка, да с детализацией, чтобы пушинку в клюве можно было рассмотреть до волосков.

Начал я с того же метода, отработанного на куликах. И сразу попал! Заглушив мотор заранее по течению, я накинул сеть, бросил якорь и начал, в час по чайной ложке, сплавляться. Только гораздо медленнее, чем к веретенникам да перевозчикам.

Цапля сразу заметила, как только лодка остановилась вдалеке, поёрзала, но через пять минут, успокоившись, продолжила бродить по мелководью, высматривая жертву. В этот момент я подтянул якорь ото дна и, проплыв метров пять, снова мягко опустил на дно. Лодка дрогнула, выровнялась

по течению и замерла.

Я не шевелился под лоскутами сетки, натянул её даже на лобовое стекло катера, чтобы иметь большую свободу передвижения в лодке. Конечно, приблизиться к птице «накоротке» с первого раза не получилось. Она всё-таки не особо терпела постоянные мои подплывы. Но кадры с уровня воды, с расстояния, о котором я раньше даже мечтать не мог, получились, и они были великолепны в рассветном солнце.

Весь август я упражнялся по цаплям. Разные способы, в разное время дня — я испытал, наверное, десятки видов подкрадывания или, вернее сказать, подплывания. И всякий раз я буквально расплывался от удовольствия тонким слоем по глади реки. Так близко и так интересно наблюдать этих чудных, большущих птиц — чистый восторг.

В какой-то момент я даже перестал снимать цапель просто на воде, на коряге или песочной гриве. Этот навык был отработан, и эмоции уже стали скромнее. Я начал охотиться за моментом взлёта, когда птица расправляет гигантские крылья и отрывается от земли, делая несколько шагов для разгона. Нужен хороший свет, позволяющий установить короткую выдержку, и очень длинная природная выдержка цапли, чтобы подпустить меня поближе.

Серая цапля — явно потомок летучих динозавров. Мне кажется, если бы я лежал на пляжике и эта птица раскинула надо мной свои крылья, она перекрыла бы меня в длину с лихвой. А этот удивительный монохром! У цапли совер-

шенно чёткие линии раскраски: чёрный, серый и белый. Как будто это современный дизайн какого-нибудь спорткара, где линии подчёркивают каплевидную обтекаемость корпуса.

Сложенные крылья разворачиваются веером на метры; мощнейший удар по воздуху, пружинящий толчок лапами — шея, как перископ, складывается в боевой таран, ещё взмах — и отрыв, только песок разлетается с лап. Чистый птеродактиль, нет слов!

Глава 4. КОРШУН-РЫБАК

В детстве нас отец часто на «Крыме» вывозил семьёй «на пески» — загорать, купаться. Причалим на какой-нибудь песчаный остров с мать-и-мачехой, разложим покрывала, накроем стол, и воскресенье в панамках удалось. Я по этой же схеме начал вывозить и свою семью, яркие детские воспоминания всё хотели повториться.

И вот однажды валяемся мы на таком же покрывале, и вижу: коршун на воду пикирует. Плюхнулся, схватил рыбу. Я только успел разбудить камеру и в хвост ему уже в небе сделать несколько кадров вдогонку, чисто фотофакт. На спонтанном, очень размытом снимке было видно, что он уносит в когтях чехонь! Это было так круто! Вызов принят, в голову чётко засела мысль: если поползния можно приманить на кормушку и снять спокойно вблизи, то, возможно, и коршуна получится! И так появилась идея фикс, мой фотопроект на несколько лет — коршун-рыбак.

Началось всё, конечно, с рыбы. Я в детстве с дедом каж-

дое лето на каникулах в деревне ходил на рыбалку, и мне даже это очень нравилось, остались самые тёплые воспоминания: поплавок, удилище из орешника, мякиш теста в руке, поблескивающая река... Но с тех пор я на рыбалке не был и, как рыбу добыть, не знал. Благо в магазинах сейчас всякого-якого продаётся, и я приехал в рыбный магазин «Пингвин» подобрать по размеру похожую на ту самую чехонь свежемороженую рыбёху. Выбор мой пал на салаку, взял заморозку штук 5 в пакете, за ночь разморозил в холодильнике и ни свет ни заря отправился на фото-рыбалку.

Встал на глассер и отправился искать коршуна, парящего над рекой. Нашёл его примерно в том же месте, где и загорали. Смачно поплевал на дохлую обмякшую салаку, как заправский рыбак на наживку, и, глядя ввысь на кружащего хища, произнёс волшебное «цыпа-цыпа-цыпа» и кинул рыбку в реку. Коршун не среагировал никак. Пытаясь отыскать в объектив приманку на волнах, я ничего не мог рассмотреть и кинул вторую. Результат аналогичный. Что не так? Подумал, что так рыбы не напасёшься, и решил подобрать выброшенную за борт тушку, завёл мотор, подкатил к тому месту и ничего не нашёл. Что за дела?! Неужели утонула? Достая из пакета следующую салаку, теперь уже кладу на ладони в воду за борт, проверяя её на плавучесть, и обнаруживаю первый облом — разморозка тонет! Хм... Я точно помню, как в детстве из лодки выбрасывали мелочь, и она плавала, а тут тонет! Видимо, плавучесть только у свежепойманной рыбы?

Подумаю об этом завтра, как сказала бы Скарлетт, а пока было решено уложить приманку на песочек, у кромки воды. Пошла вторая попытка. Нашёл неподалёку затон, где можно было бы на лодке без течения спокойно отплыть от берега и караулить коршуна. Теперь найти его и бросить рыбу под ним не было возможности, приходилось действовать от обратного. Уложить рыбу в удобном для меня месте и ждать, что нарезающий круги хищник её рассмотрит и купится. В затоне нашёлся небольшой песочный мысок, и противоположный берег оказался не так далеко. Я уложил салаку на край воды и отъехал в укрытие противоположных кустов. Ну как в укрытие — лодка и я совершенно торчали на воде, только нос уткнулся в кусты. Было очевидно, что сверху глазастый меня точно будет видеть, и я решил натянуть на себя маскировочную охотничью сеть.

«Ждать пришлось недолго, не дольше чем зимой ждать весны», привет Борис Борисычу! Коршун в небе патрулировал свои владения, и наконец, орбита его кругов пересеклась с моим затоном. По резкой подрулке крыльев я сразу понял, что он увидел рыбку. Крылья замерли, хвост завернул в петлю, птица поднырнула, но, практически не снизившись, пошла на второй круг. Я затих и ликовал внутри, что всё может получиться, но не тут-то было. Коршун-рыбак, проделав несколько заходов, исчез с моих радаров, и я его потерял. Повозился, поматерился, и было очевидно, что он боится меня, но дальше отплыть я не могу: между лодкой и птицей и

так метров 30, дальше только кусты берега, лодку всё равно не спрятать. Решил ждать.

Ситуация резко поменялась, когда в небе появилась пара чаек, которые тоже барражировали в поисках еды и наткнулись на белёсую тушку рыбёхи, заботливо выложенной на берегу и приправленной травкой. Чайки, в отличие от чёрного коршуна, спикировали сразу и сели в нескольких метрах от рыбки, начали, озираясь, подходить и покрикивать. Я с удовольствием снимал хотя бы чаек и ждал невероятных кадров с рыбой во рту. Но как только они оказались в одном прыжке от тушки, злобно гаркнули и сорвались в небо. Тут же на рыбу плюхнулась коричневая туша коршуна, почти на лету вцепилась когтями в салаку и взмыла обратно в небо. Сердце моё упало, как якорь на дно, я стрелял сериями и откручивал объектив на меньшее фокусное расстояние, чтобы птица вошла целиком.

Это было шедеврально! Я с первого же выезда получил кадр, о котором и мечтать не мог, а только подумывал. Коршун-рыбак сделал то, что я хотел, он взял рыбу, и я снял это! Мне хотелось на весь мир прокричать, что я король коршунов)))) Но когда адреналин, тестостерон, эндорфины и все эти гормональные салюты смолкли, я начал приходить в себя и осмысливать это неслучайное поведение хищника.

Что я надумал. Коршун с первого захода не кинулся за рыбой, потому что видел меня и видел опасность. Возможно, он сел где-то в деревьях, где я его не мог рассмотреть, и стал

наблюдать. Едва к рыбе сели чайки и с ними ничего не случилось, когда они преспокойно по берегу подошли, парень стартанул с дерева, прогнал их и забрал свою добычу. Чайки для него как индикатор безопасности! Боже, как гениально! Давай ещё!

Теперь надо было проверить гипотезу. Я снова положил на то же место предпоследнюю салаку и вернулся в исходное положение. Минут через 10 прилетела очередная чайка, возможно, одна из тех, кого прогнали, она бойко подпрыгнула к салаке, поозиравшись и попробовав её подцепить клювом, в итоге рьяно впилась в неё, задрала голову и начала глотать. Я снимал. Коршуна не было, но я поливал очередями от восторга, таких кадров я не видел в своей жизни. Передо мной сидела белоснежная птица, которая заглатывала рыбу, и я снимал её так близко и так крупно, как не мог себе представить, еле влезала в кадр! Чудеса!

Чайка тут же взлетела, и, отойдя от очередной порции гормонов счастья, я опять приступил к самоанализу. Мне подумалось, что коршун уволок добычу, наверно, к себе в гнездо или на свою привычную присаду, где он расправлялся с рыбами и спокойно трапезничал. Видимо, прошло слишком мало времени, чтобы он успел вернуться и позариться на вторую рыбу в этом же месте. Надо было все-таки дожждаться хищника в небе, чтобы не потратить последующую салаку на очередного проглотыша-чайку по имени Джонатан Ливингстон.

Я подъехал к прикормочному мыску, встал наготове и стал ждать в небе коршуна. Как только он появился на горизонте, я положил салаку у воды и отъехал к другому берегу. Охота продолжалась, и у меня был последний шанс: рыбы не осталось. Коршун нарезал серпантинном круги в моём направлении, снова поймал взглядом рыбу на песке, опять колыхнулся в полёте, описал ещё пару виражей и уселся на высокую сосну метрах в 100 от меня и от рыбы. Всё, моё предположение подтверждалось, хищник ждёт лакмусовую бумажку в виде чаек! Он сидел и пялился на меня, а я замер под сетью и сквозь лопухи маскировки целился в него, даже снял несколько плохих и далёких кадров восседающего в макушках крючконосого хищника. Однако чайки задерживались.

В гляделки мы играли, наверно, минут 20, но всё-таки я его пересмотрел. В этот раз триггернула крачка, она гораздо меньше по размеру и даже не смогла бы, наверное, проглотить мою приманку, но в полёте узрела добычу и спикировала на песок. Я тут же перевёл взгляд на коршуна, и тот предсказуемо тихо оттолкнулся от ветки и мощно замахал в сторону песочного мыска. Нужно было быстро вскинуть объективом на берег, отыскать рыбку и нажать на курок, не дожидаясь птицы. Серия была невероятно длинной, я не отрывал пальца с кнопки, продолжая стрелять вслед улетающему с салакой хвосту до тех пор, пока не забился буфер и камера не замолчала, не в состоянии больше сохранять снимки

в память. Есть!

Я повторил это! Всё не случайно! Я сам придумал, опробовал и отшлифовал систему приваживания коршуна рыбой. Я об этом нигде ничего не читал, не видел на ютубе, я просто наблюдал и анализировал то, что меня вдохновляло, наполняло и делало безумно счастливым. Я снял коршуна-рыбака! Бегу домой проявлять плёнку!

Гнал к домашнему пирсу я, не сбавляя газа и даже подталкивая лодку, ерзая за рулем. На мониторе было чудо, но, как у любого фотографа, это чудо тут же обросло недостатками. Во-первых, солнца не было, и выдержки не хватило, большинство кадров оказались в смазе. Во-вторых, снимал я на фоне берега, и на заднем плане кусты в метре от края воды давали такой мусорный фон-бурелом, что птица просто сливалась с кустами. Хотя, конечно, было видно и её, и рыбу в когтях, но мой стон от восторга всё больше начинал смахивать на стон от разочарования. Всё круто, ты управлял огромной хищной птицей, ты понял её повадки, раскусил её финты, почему же ты не рад!? Ты чуть не писался от счастья в лодке, и сидишь, кочевряжишься у монитора! Что не так?! Да всё не так! У совершенства нет предела, в голове уже засела мысль, что надо избавиться от кустов на заднем плане, а это только съёмка на глади воды. Как заставить дохлую заморозку плавать?...

Я решил отыскать и рассмотреть в сети хищников на приваде-присаде, и всегда они сидели с добычей на какой-то

живописной коряжке. Мне подумалось, что рыбу надо положить не на песчаный берег, а на какую-то торчащую из воды корягу, но так, чтобы за ней как можно дальше не было берега. Решено, в пятницу я отправился за очередной порцией мороженой салаки в «Пингвин», чтобы в субботу, никуда не торопясь, предаться дрессировке «хищников».

Меня так переполнял восторг от того, что я сделал, им очень хотелось с кем-то поделиться, и я пригласил с собой на следующий выезд товарища по увлечению и, в отличие от меня, профессионального орнитолога, сотрудника заповедника Григория. Выехали рано, благо летом светает раньше, чем я могу проснуться))) Загрузились в лодку и с речной прохладой рванули в затон. На малом ходу прокатились вдоль берега, над которым охотился коршун, и заметили торчащее бревно, такие ещё называют «крокодилами». Эти брёвна при сплаве тонут одним концом и ложатся на дно, а вторым торчат над поверхностью и напоминают выглядывающего аллигатора. Эти торчки — головная боль для лодки с мотором, хорошо, если он высовывается, его видно и можно объехать, а если выглядывает на миллиметры и не видно, можно брюхом на него легко наскочить и тут и остаться. Наш крокодил торчал как надо, и на него аккуратно поместилась салака, блистая чешуёй на утреннем солнце. Откатились кормой в кусты противоположного берега и стали ждать.

Всё было красиво вокруг, но скучно. Коршуны пару раз

пролетели, но не среагировали. Чайки и крачки тоже как-то странно игнорили этот подарок судьбы, практически вяленую на натуральном солнце рыбку. В итоге ни хищников, ни индикаторов безопасности. Нечего было тужиться, схема почему-то не работала, и спустя два часа мы снялись с куста и, оставив рыбёху смельчакам, дёрнули попробовать найти коршунов над рекой и покидать им рыбу на воду. Такой способ ещё не был проверен, потому что рыба тонула, но я не терял времени даром и за неделю нашёл один вариант, который стоило проверить.

Шерстя информацию по закоулкам интернета, я обнаружил, что проблема тонущей рыбы волновала не меня одного, в мире было ещё несколько таких же отморозенных бердвотчеров, которые пытались на заморозку приваживать хищников. Вообще это, конечно, престранная ситуация: взрослый мужик, бизнесмен, вечерами не стратегии захвата мира рисует в тёмном-тёмном кабинете под светом зелёной лампы, а ищет, как заставить плавать дохлую кильку. Это нормально, на рассвете исчезать из дома, накачивать замороженную рыбу воздухом через шприц, гоняться по реке за хищниками, подбрасывая под них свои поплавки? Я бы не решился никому рассказать об этом, если бы не задумал эту книгу, да ещё и с таким подзаголовком, как «Исповедь». В моей жизни оставалось все меньше места не только другим увлечениям, но и работе, семье, друзьям, спорту... В биологии есть понятие инвазивного вида, который активно распространя-

ется и начинает вытеснять местных, нарушая экосистему. Но ведь птицы же не сорняк какой-то, мне же все это нравится, я счастлив! Никакие рациональные объяснения не подходят, это чистый кураж и одержимость. Точка.

Вернемся, к практике! За пару дней способ заставить-таки плавать отморозка нашелся! Это как собрать кубик Рубика: поначалу тебе не верится, что это вообще возможно, но если не терять упорства и искать решение, то в итоге кубик таки будет собран! По этой метафоре можно решать любые жизненные проблемы, а уж как заставить всплыть замороженную салаку — и подавно! Для решения нужен был медицинский шприц с иглой! Всего-то надо было накачать рыбку воздухом, и небольшого пузыря в животе было достаточно, чтобы пузом кверху она всплывала. Я тут же нашёл в домашней аптечке пару шприцов, порепетировал дома в тазике. Не рассказывайте об этом никому, меня засмеют. И отточил технологию надувательства. Иглу правильной всего надо было втыкать не в живот, а через спину и желательно под длинным углом, чтобы воздуху мешала обратно выходить этим же путём толща спинного мяса.

Уффф! Кажется, мы прошли это сложное место, после которого обычно в комментариях соцсетей пишут «дизлайк-отписка», но в книге такое невозможно, и я спокоен. Больше никаких терзаний животины описывать не буду. Вперёд, на воду, и вернёмся в лодку с Григорием!

Мы вышли из затона и пошли вдоль берега, задрав голо-

вы и отыскивая реюших над водой хищников, примерно через полчаса нам это удалось. Я демонстративно помахал птице салакой в тот момент, когда мы поравнялись траекториями, и швырнул предварительно накачанную воздухом рыбку в воду. Лодка была заглушена и сплавлялась примерно с такой же скоростью, что и рыбка, объектив белеющее пузо иногда видел, когда рябь и волны расступались. Коршун не реагировал, чайки тоже, голод их, по-видимому, не мучил, а к нам уже подступал. Ближе к обеду, не достигнув никакого успеха, было принято решение сдаться и ехать домой. Я завёл мотор, и мы двинулись против течения к домашнему пирсу, возвращаться надо было километров пять. Я смотрел на накачанную воздухом салаку, лежащую на торпедке лодки под стеклом и подваливающуюся в лучах полуденного солнца, сожалел о неудачном выезде и посматривал в небо. Над нами появился очередной коршун, и я, не останавливаясь, решил просто выкинуть оставшуюся рыбёху за борт, не домой же её везти. Помахал тушкой на ходу гордой птице и, не напрягаясь, кинул за корму в моторный след, который вспенивал воду и нарезал две тугие волны в разные стороны.

Ой-ой-ой! Наш герой колыхнулся, птица нырнула в вираж, резко поменяла траекторию и, снижаясь, направилась к рыбе! Мы отъезжали, и я по интуиции решил не останавливаться, не глушить мотор, а просто снизить газ на малый. Коршун видел нас, удаляющихся от рыбы, и спокойно по дуге заходил к добыче. Как мы успели вскинуть камеры, неиз-

вестно. Я бросил руль, развернулся, совершенно не глядя, куда едет лодка, и мы застрекотали затворами по коршуну который цеплял рыбу с бурлящей воды. На бреющем полёте, не останавливаясь, он цапнул салаку когтями, огромными крыльями оттолкнулся от водяной подушки между ним и водой и перпендикулярно нашему курсу полетел к берегу и сел где-то в деревьях глубоко за кронами, наверняка терзать нашу последнюю рыбёху. Повторить было нечем. Что это было?

Возвращались мы, конечно, на крыльях успеха. Совершенно случайный бросок на ходу дал такой уверенный результат, стало очевидно, что мы нащупали способ, и его как можно скорее надо было повторить, чтобы проверить на закономерность. Теперь предстояла уже понятная и кропотливая работа по закреплению результата. Стало очевидно, что коршун не готов терпеть стоячую или сплавляющуюся рядом лодку, но вполне себе спокойно реагирует на уходящее и орущее мотором судно. Он ревностно следит за тобой под маскировкой, пока ты пытаешься превратиться в шмурдяк на дне катера, и абсолютно не замечает тебя, пляшущего с объективом, но опять же в удаляющейся лодке. Ему нужен индикатор безопасности в виде чайки на лежащую подозрительно рыбу на берегу, и вообще не мешает ничего, когда всё в движении. Это было очень похоже на автомобиль, и почему мне это не пришло в голову раньше? Пока ты едешь по дороге мимо сидящего на столбе канюка, ты ему не опасен, но

стоит только затормозить, как секунды не проходит, чтобы он слетел куда подальше. Идущая лодка, как и двигающаяся машина, не пугает птицу — вот окно возможностей!

Дома я, затаив дыхание, выгружал серию с флешки на компьютер. Почти всё было хорошо, почти... Солнце было на моей стороне, и прекрасно получились кадры подлёта к воде, выставленные вперёд лапы, тормозящие крылья, идеально получился отлёт от воды с рыбой в когтях, видно было всё, даже глаз у салаки, но, чёрт побери, что произошло в самый важный момент?! Почему ровно в то мгновение, когда птица когтями подцепляла, фокус покинул меня. Точнее, покинул птицу и перескочил на волну перед ней. Вся кульминация оказалась размыта. Стало очевидно, что автофокус убегает на волну, которая блестит от солнца и находится ближе коршуна, ровно в тот момент, когда хищник касается воды. Ещё больше меня расстроило, что у Григория все кадры получились идеально, его Кэнон никуда не соскочил и отработал всю серию в полном порядке. Что не так, «Сони»? В чём проблема, брат! Ты меня разочаровываешь!

Как вы поняли, всё хорошо, да не всё хорошо. Теперь я знал, как приманивать на приваду хищника, но не знал, как его толком снимать. Меня ждал диван, ютуб и ещё череда редких попыток. Вторая совершенно смешная и неловкая проблема, которую я обнаружил, всплыла в комментариях к моему восторженному посту о том, что я сумел сфотографировать коршуна-рыбака с рыбой в когтях. Это был как раз

тот кадр, когда птица уже отделилась от волн и отлетала с добычей. Опытные рыбаки поставили меня на место, задав неудобный вопрос, который полностью разбивал всю мою магию: «Миша, а что за рыба в когтях? Ни чехонь, ни густера, ни на кого не похожа...» Упс... Я же не хотел писать, что это салака и что я вот занимаюсь таким ребячеством, надуваю свежемороженку воздухом и снимаю хищника на живца. Я, конечно, этого и не скрывал, точнее, не выпячивал саму систему съёмки, просто написал, что удалось снять коршуна-рыбака за охотой, а уж как там и что... Закон рекламщика «Говори только правду, но никогда не говори всей правды» мне давно привили на работе ещё лет 20 назад. С салакой получался парафин.

Ну что ж. Параллельно с поиском настроек камеры, чтобы автофокус не убегал, пришлось озадачиться ещё и поиском речной рыбы с Вятки. Второе получилось быстрее. Я рассказал о своей проблеме хозяину лодочной станции, где я парковался, бывалому мореману, рыбаку и любителю романтики Олегу. Он игриво поманил меня пальцем, мы перепрыгнули с борта на борт через несколько барж и больших катеров, и между судами он потянул за лесочку и поднял небольшой, метр на метр, экран с сеткой, в которой висело три густеры. Ему тоже нужны были живцы для ловли какой-то большой рыбы, не помню, и он предложил мне брать с этого экрана рыбу перед моими фотопокатушками. Он с таким пониманием посмотрел на мою одержимость, что стало понятно: ры-

бак рыбака видит издалека. Теперь речной привадой я был обеспечен, осталось наловчиться ловить автофокус.

Гриша уехал на месяц работать в заповедник, и оставшиеся дни до отлёта коршунов на юг я упражнялся один. Система работала почти безотказно. Надуть заранее рыбу и приготовить камеру, найти над водой коршуна, зайти под него против течения, скинуть до минимума скорость, помахать рукой с рыбой и небрежно, но демонстративно кинуть её в кильватер. Борясь с течением, лодка шла ещё медленней, шумела, пыжилась и бурлила, но удалялась совсем тихо, в общем, занималась имитацией. Коршун резко нырял, заходил в петлю и подбирал рыбу. Несколько раз мне даже удалось поснимать его после того, как он приземлялся с добычей на ветке, чтобы начать её терзать. Новые настройки камеры с изменением чувствительности следящего автофокуса результата не дали, надо было искать дальше. Кадры получались все, кроме момента подхвата рыбы. Ещё нюанс оставался в солнце. Без него выдержки совершенно не хватало, и тряска в лодке, да идвигающийся коршун давали либо смаз, либо сильный шум, поэтому приходилось чаще смотреть в прогноз погоды и реже кататься впустую.

Так я провел в тренировках десятки дней, пока хищники не бросили меня с ненайденным решением и незакрытым гештальтом, махнув на юг в поисках лучшей жизни. Радовало меня и то, что мое наблюдение за птицами выходило на совершенно другой уровень, теперь я проектировал съем-

ку, был архитектором своего вдохновения и полета свободной птицы. И я был счастлив, несмотря на это небольшое недоразумение с автофокусом. Этим летом я провёл столько душевных часов за любимым делом, постигая премудрости своего увлечения, что грех было жаловаться. За зиму предстояло решить вопрос с настройками камеры и с нетерпением ждать весны.

Глава 5. ЭХО ИЗ ДЕТСТВА

Спустя полгода после заражения птичьей болезнью, прозвенел первый звоночек. На исходе лета мы ехали с женой и сыном к тёще в деревню. Я уже был в той кондиции, когда любой выход или выезд из дома в сторону природы возбуждал желание приключений и нечаянных съёмок, поэтому всегда брал с собой камеру. Вот и в этот раз, подъезжая к тёщиной деревне, я, сканируя окрестности вдоль всей дороги, вижу движение на обочине. Тут же сбрасываю скорость и замечаю зеленоватую крупную птицу с хохолком, которую я ещё не снимал и названия её даже не предполагал.

Машина лихо замедляется, и я, не сводя с магического хохолка взгляда, протягиваю назад за сиденье руку и произношу сыну фразу, в которой мало слов, но много сути:

— Егор, дай-ка рюкзак.

И в этот момент у меня перехватывает горло от пронзительных воспоминаний.

Задрожавшей вдруг правой рукой я расстёгиваю рюкзак, достаю камеру, тут же левой подруливаю вдоль сАмой обочины и открываю окно, смотрю по зеркалам и на птицу, на ощупь снимаю крышку и ставлю бленду, ещё больше замедляюсь, выставляю камеру в окно. Когда мне кажется, что ближе меня уже не подпустят, нажимаю окончательно тормоз и, до боли втыкаясь глазом в видоискатель, нажимаю

стрекочущий спуск и заряжаю серию снимков. Комок с горла спал и мне кажется, только тогда я смог вдохнуть...

Протянув минуту назад руку к сыну, я, за мгновение, с невероятной чёткостью вспомнил, как точно так же мы ехали когда-то с отцом в его «уазике» — к его тёще, моей бабушке, в деревню. И так же вдоль дороги, посреди полей, он как-то рассмотрел зайца. Протянул, не глядя, руку назад за сиденье и взволнованным, заикающимся с детства голосом произнёс: — Ми-Миша, дай-ка бинокль.

Снимая, как потом оказалось, чибиса, который классически пасся вдоль дороги, я не только памятью — я кончиками пальцев вспомнил и повторил все слова и движения. Отец так же, не глядя, одной рукой рулил, подкатывая всё ближе, и открывал форточку, а второй расчехлял охотничий бинокль. Он оттормозился плавно, чтобы не спугнуть зверя, взглянул сам и передал мне, спокойно рассмотреть косого, который замер, словно позируя нам.

Я не мог этого помнить — такой сюжет был в моей жизни лишь единожды, и я никогда до этого момента не возвращался к нему. Но якорь сорвало, заткнув комом мне дыхание и остановив пульс в висках!

Чибис взлетел, я положил камеру на колени, долго сдерживал слёзы, у меня сводило скулы, и я не поворачивался к жене и сыну, чтобы не выказать мокрых глаз. Мужчины не плачут, но мне почему-то было невыносимо хорошо.

Глава 6. ВОЛШЕБНЫЙ ПЕНЕК

После коршунов я уже вкусил охотничью страсть, ощутив себя следопытом на минималках, просто бродить по лесу в поисках случайно подвернувшихся птиц мне было теперь малоинтересно. Но холода и накатывающая глубокая осень не оставляли ни выбора, ни того разнообразия птиц, что довелось мне повидать первым моим фотолетом. А снимать очень хотелось, и подкрадываться, и изучать повадки, и даже месить бездорожье впустую. Я начал думать, как мне перестроиться на ограничения осенне-зимнего сезона. В парках и лесах совсем тихо, листва уже изрядно облетела, иногда заряжали зябкие дожди, и блуждать по тропинкам стало совершенно бессмысленно.

И вот в этот самый момент попадаетесь мне в соцсетях видео, снятое на телефон, где юная кировчанка кормит с руки поползня. Что?! А так можно было!? Весь мой опыт с птицами говорит, что к ним фиг подъедешь на сивой кобыле, они от тебя шарахаются, как от огня. А тут поползень дикий, да ещё и с руки! У-у-у-у, дерзкие, НУ я вам покажу! — пригрозил я сам себе кулаком и в ближайшую субботу отправился в Заречный парк, где и было снято это провокационное для меня видео. Вызов принят!

Я рыскал, как росомаха, в поисках кормушки, которая мелькнула на заднем плане, найти её было делом времени,

и наконец я вышел по тропке на нужную точку. Так... Вот кормушка, вот дерево, к которому героиня прислоняла руку. Где же ручные поползни? Я достал из кармана горсть семечек, протянул к коре ладонь и жалобно пропищал сакральную мантру:

— Цыпа-цыпа-цыпа...

Ну наивно было бы предполагать, что в ладонь мне сразу уселся бы лесной житель. Вот у кормушки я обратил внимание, что движуха шла. Прилетали и синички, и пухляки. Я подошёл, проверил — пусто. Насыпал из кармана семян и отошёл. Одна, вторая, третья — в течение 15 минут поднялся такой щебет, и на кормушку стали подтягиваться разные пичуги.

Но то кормушка, а меня же интересовало кормление с руки и непременно поползня! Вот я и начал подкрадываться к кормушке по полшага. И стал замечать, что время идёт, а птицы реально привыкают к моему близкому нахождению. Я замирал и, еле шевелясь, переносил ногу ближе и ближе. Примерно за полчаса я подобрался вплотную. И вот уже руку протянул с семечками, коснувшись кормушки, а птицы доверчиво порхают и щебечут вокруг, но на руку не садятся, а на кормушку — пожалуйста. В пяти сантиметрах от ладони клюют. И поползень, он прилетел!

Вот он, долгожданный, не просто где-то, а у самых кончиков пальцев, я даже камеру трогать не стал, стоял так, замерев, и любовался чудом. Так со временем они склевали всё,

что я сыпанул им в кормушку, и, видимо, от безвыходности начали пристраиваться к моей ладони.

ААААААА, первая московка цапнула семечку — и тикать. Остальные, увидев, что ничего не произошло, тоже начали пробовать. И вот уже на моей руке, цепляясь острыми коготочками, с разных сторон присаживались и пухляки, и большие синицы, и даже поползень! Причём мне показалось, что он дольше всех задерживался на пальце, ещё и разглядывая меня. Восторгу моему не было предела, хотелось прыгать от удивления и звать на помощь зрителей!

На следующий день я сразу смекнул, что в кормушку надо класть совсем чуть-чуть для затравки, а остальной ассортимент держать на ладони. Я прихватил с собой ещё и арахиса, как советовали на диване, вернее, на «Ютубе», знатоки и Василий Вишневский.

Всё повторилось точь-в-точь, и я снова поймал кайф от такого прямого контакта с птицами. Теперь я умудрился снять своего поползня крупно, во весь кадр, и на телефон! Мне даже показалось, что птицы узнали меня и начали есть с ладони гораздо раньше, чем вчера.

Пока я так кормил всю ватагу, на глаза мне попалась живописная небольшая коряжка. Я отвлёкся, подошёл к ней, с трудом, но поднял, осмотрел и отнёс на солнышко, ближе к камышовым зарослям у воды. Мне захотелось попробовать устроить небольшую сцену на этой коряге и на свету, а не под сводами сосен, поснимать всех этих доверчивых птиц.

Так я и сделал. Нашёл неподалёку бордовых рябиновых листьев, грибок даже какой-то неопознанный усадил между лап, насыпал в углубления и изгибы коряги семечек, отошёл в сторонку с подсолнечной стороны и присел на корточки с камерой.

Мои друзья достаточно быстро определили новую столовую и перекочевали туда с удовольствием. Теперь я уже снимал на телевик с удобного расстояния и периодически подходил, чтобы поправить листок или гриб, или спрятать семечки за изгиб, чтобы кадр смотрелся интересней. Невероятно, но, оказалось, моё удаление позволило безопасно кормиться и ещё одному лайферу — это гренадёрки, или хохлатые синицы. Это, конечно, было чудо из чудес — впервые снять гренадёрку на свету, на пеньке, с рябиновым листом и в свете утреннего солнца — это просто мечта. Можно сказать, так случилась моя первая постановочная съёмка в лесной мини-студии! Вы не представляете, как это окрыляет! Спать после такого всю неделю было невозможно в ожидании выходных.

На следующий раз мне очень захотелось поделиться этой радостью со средним сыном, который увлекался муравьями и планировал связать своё будущее с биологией. Егор, не раздумывая, согласился. Устоять после моего описания было просто нереально, я только что слюной не брызгал, рассказывая, как все лесные жители едят у меня с рук)))

Мы пошли в «Заречку» как рассвело, и сразу разложили

на коряжке все свои подношения. Подкатали какие-то пенёчки, чтобы можно было сидеть на удобном расстоянии, и стали поджидать гостей. Птицы налетели буквально через 15 минут, они спокойно, не боясь ни меня, ни сына, хватали семечки и арахис с коряги и отлетали потрошить свою добычу, то тут, то там слышны были характерные стуки клюва по семечке на ветке. Орехи пользовались особой популярностью у поползней, а все виды синиц за милую душу таскали семечки.

Я предложил Егору подсесть вплотную к импровизированной сцене, насыпать семечек на панаму и на ладонь, не шевелиться. Он медленно подкатил свой пенёк, сел и замер. Минут пять его, конечно, боялись, но не дольше. Первая московка открыла свободный доступ для всех остальных, и снова начался ажиотаж. Постепенно сыну на панаму стали присаживаться поползни и пухляки. Гренадёрки же держали марку и не позволяли себе такого панибратства. Я снимал и птиц, и Егора, он сам тихонько достал смартфон и сделал несколько селфи. Мне было невероятно радостно видеть его светящееся лицо и восторг, который лучился из его глаз. Такого ни в одном «ТикТоке» не почувствуешь. Вот она, жизнь!

Выпотрошив карманы и отдохнув от души в прекрасной компании, мы засобирались домой. Отойдя от нашей птичьей министудии, я стал собирать камеру в рюкзак, и вдруг мелюзга резко разлетелась, и на коряжку буквально плюх-

нулась сойка. Она, видимо, наблюдала долго за всем этим представлением, но мы ей сильно мешали, а как только удалились вглубь парка, кинулась клевать недоеденный арахис. Я сквозь кусты и ветки даже сделал несколько кадров. Меня это очень вдохновило на новые горизонты, вознамерился прикормить сойку!

Следующим воскресным утром на дело я пошёл один, моя цель была — сойки, и, зная их пугливость, тут было не до театра. Рядом с коряжкой я заприметил высокий, примерно с полчеловеческого роста, весь в трещинах пенёк от какого-то давно обломанного дерева. Мне нравилось, что он именно не спиленный и такой весь шипастый, щепастый. В его трещины легко уместились бы килограмм семечек и арахиса. Мне показалось это удобным, чтобы спрятать подкормку из кадра. Птицы на кормушке, где навалены груды всего, смотрятся несколько простовато. Вот мне захотелось снять крупно сойку, но чтобы стол видно не было, такой пенёк идеально подходил.

Я засыпал семечек для синиц и арахиса для сойки в трещины и отошёл подальше, спрятавшись за ствол сосны метрах в 20, прижался и замер. Речи не было о съёмке с этой точки, но я рассчитывал, что, если сойка начнёт брать арахис при мне, стоящем далеко и за деревом, то я смогу постепенно выйти из-за укрытия и немного приблизиться, как это проделал я в первый раз с кормушкой и синицами.

Синички работали как указующий перст. Они быстро

разыскали на новом месте семечки, начали летать и таскать их, и это привлекло внимание сойки. Теперь я смотрел не за синицами, а по верхам деревьев, пытаясь уловить малейшее движение. И вот оно! С дерева на дерево, в сторону моего нового стратегического пенька, перепорхнула крупная птица. Сойка села и начала рассматривать то пень, то меня. Она точно видела, где я стою, но, видимо, оценивала, исходит ли опасность. Но поскольку синицы летали и таскали арахис, который, надо сказать, ей был тоже очень аппетитно виден, то она решила не медлить, пока ещё есть чем поживиться, и, сделав ещё пару перепархиваний, наконец разогнала всех и приземлилась на самую высокую щепку пня. Я торчал из-за сосны одним глазом и не дышал. Птица осмотрелась, под разными углами головы смерила расстояние до меня и ловко начала склёвывать из щелей орехи арахиса. В отличие от синиц и поползней, которые уносили по одному семечку, эта дама не мелочилась и клевала как пулемёт, но через несколько орехов замедлилась, стала поднимать голову кверху и как бы утрамбовывать орехи, чтобы взять в рот ещё один. Она набивала зоб! Я почему-то не знал о таких её повадках — как хомяк набирать за щёки — и это меня так восхитило, непременно захотелось узнать про неё побольше.

Сойка улетела, но я знал, что она должна вернуться. Я дома подготовился и высмотрел в сети видео, в котором рассказывалось, что поползни и сойки растаскивают корм по щелям деревьев, прячут, чтобы потом в голодную зиму безоши-

бочно найти свои схроны и пожитьяся, поэтому я ждал возвращения.

Этого времени как раз хватило, чтобы медленно подойти к пеньку, пополнить трещины арахисом и так же плавно вернуться к своей маскировочной сосне, но встать уже не за ней, а рядом, чтобы можно было навести камеру. Я поднял телеобъектив, опёрся локтем на сучок, чтобы немного разгрузить руку, и стал ждать в позе наизготовку, чтобы, как прилетит гостя, не вспугнуть её вскидыванием фотоаппарата. Руки, конечно, онемели, но это того стоило. Ровно теми же окольными путями, снова замирая и осматриваясь, она вернулась на прежнюю щепку. Я перевёл затвор в бесшумный режим и начал снимать. Мне кажется, что сердце моё стучало в такт и вместо механического затвора — часто и громко. Я забил буфер памяти серией гораздо раньше, чем птица наполнила свой зоб, камера встала, и я просто смотрел и любовался. Когда сойка отлетала, возвращались синицы с поползнями и лакомились семечками, но я был так очарован сойкой, что их даже не снимал.

Всё повторилось, как в первый раз. Я обновил арахис и понаглее остановился ещё ближе к пеньку. И снова было счастье, и опять меня допустили ещё ближе к телу. Так повторялось, пока не пришлось выкручивать фокусное расстояние, чтобы птица помещалась в объектив. Я был очень близок, а сойка, по-видимому, уже натаскала арахиса во все свои закрома и напоследок просто села на щепе. Она зажала орех

между лапами, ободрала с него красную шелуху и, откусывая, предалась трапезе под мои бурные безмолвные аплодисменты и бесшумное стрекотание электронного затвора. Что вы знаете про птичий оргазм?)

Впереди была неделя, чтобы узнать как можно больше о сойках. Я выяснил всё про зоб, про их запасливость, про хищность, про умение пародировать голоса других птиц и узнал ещё очень важное дополнение. Сойки обожают жёлуди! Оооо, мне сразу нарисовалась картинка, как крупный мощный чёрный клюв зажимает спелый жёлудь, как чёрные усики топорщатся от аппетита, голубые глаза отражают блики солнца. Мммм, вкуснятина, мне срочно нужны были жёлуди! Я помню, как своим детям в младших классах мы искали их для поделок, и двинулся на «Авито» в поисках новых приключений. Мне повезло, в Кирове было два предложения, в одном ребёнок, видимо, проявлял свою предпринимательскую смекалку, во втором женщина продавала почти ведро. Я решил, что поддержу молодого бизнесмена и забегу у него весь сбор, что-то около килограмма. Тут же списался, чтобы успеть до выходных затариться, сгонял и купил пакетик этих чудесных орехов, некоторые оказались даже со шляпками. Кайф! Но терпеть до выходных не было мОчи.

Я решил встать затемно и успеть сбегать перед работой к моему волшебному пеньку, без камеры, просто разложить жёлуди и арахис с семечками, чтобы обозначить моей новой подруге, что здесь будет для неё особый стол. Мне понадо-

бились фонарик и порция авантюризма, в лесу было темно-вато в 6 утра, день коротал стремительно. Я надел трекинговые кроссовки, представил, что бегу кросс по пересечённой местности, ну или спортивное ориентирование, потому что приходилось то и дело перепрыгивать через разные корни на тропинке и оббегать деревья. Восторгу моему не было предела, я бежал ночью по лесу приваживать соек! Уже через час я снова буду сидеть в директорском кресле, прилично одетый, и молчать о том, что я делал, пока все спали. Ну а как?!

На следующее утро мне захотелось повторить свой кросс, и важно было проверить, исчезли ли жёлуди, сработала ли приманка. Спозаранку, впотьмах, я достал разного цвета затягивающиеся холщовые мешочки размером с ладонь, которые я для такого дела не поленился заказать на маркетплейсе, и насыпал в розовый мешочек арахис, в оранжевый — жёлуди, а в синий — семечки. И вот так, с тремя мешочками, вновь заковылял я по тропинкам Заречного парка.

Предчувствия меня не обманули, орехи напрочь отсутствовали в моих закромах среди щепок и трещин уже полюбившегося мне пенька. Я снова засыпал содержимое мешочков, улыбнулся в сторону светлеющего от восхода неба и побежал на работу. Близилась долгожданная суббота, и у меня в предвкушении заливало гормонами счастья мозг, а указательный палец правой руки беспричинно подрагивал, видимо, фантомно нащупывая кнопку спуска на камере.

И выходные прибыли по расписанию. Я, конечно, уже затемно прилетел к волшебному пеньку, выставил штатив за сосной, чтобы начать опять с удалённого расстояния. Все припасы разложил, но жёлудей и арахиса положил небольшую порцию, чтобы мне возвращаться к пеньку и обозначать себя как человека, который не угрожает, а пополняет кормушку. Я надеялся, что сойки, которые меня сто пудов будут видеть, так спокойней начнут мне доверять. В этот раз ждать появления птах пришлось достаточно долго: во-первых, уже подмораживало, и иней появился на ветках и пеньке, а во-вторых, я всё-таки не усидел и слишком рано припёрся, птицы отсыпались на выходных, как и все нормальные люди, а психам закон не писан — стой, мерзни и жди!

Примерно через полчаса после рассвета появились первые сигнальные синицы, они начали бойко чивкать и оглашать всех окружающих, кто столовался на пеньке, призывами. За большаками подтянулись пухляки и гренадёрки, затюкали и приползли поползни. Но сойка никак не появлялась. Вот уже первый расклад арахиса был съеден и растаскан, а гости всё нет. В нетерпении я решил повесить блютус-колонку рядом на куст, чтобы позвать сойку голосом. Спокойно подошёл к пеньку, плавно подсыпал арахиса и нацепил включённый динамик на ветку, так же неспешно удалился.

Внезапные крики невидимой сойки вспугнули в панике всех синиц с пенька, их словно сдуло звуковой волной. Я да-

же сам напугался, не сделал ли чего худого, я же не знаю со-
ячьего языка, а вдруг я включил крик опасности и теперь
никто не вернётся. Выключил и спрятал телефон в карман,
решив, что не стоит так делать. Через несколько минут вер-
нулись синицы, а с ними на противоположной стороне за-
тянутого ряской и водорослями озера шириной, пожалуй,
метров в семь, на ветвь сосны приземлилась долгожданная
красавица. Уселась, закрутила головой, наблюдая и осмат-
риваясь. Я притаился, но одним глазом торчал из-за сосны.
Повторив привычную траекторию подлёта через три сучка,
сойка приземлилась на торчащую вверх щепу и начала выби-
рать из расщелины жёлуди. Я впервые видел это чудо своими
глазами, пока некрупно и без камеры, но это завораживало.
Она, запрокинув голову, утрамбовала 3 или даже 4 жёлудя
к себе в зоб и, отвернувшись, улетела на тот берег, прятать
улов. Всё сработало!

Я поспешил, но столь же плавно, подойти и пополнить
кладовую желудей. Вернулся, как и в прошлый раз, уже встав
рядом с сосной и выставив штатив с бандурой. Мне не тер-
пелось рассмотреть её моську крупно в видоискатель. И по-
верьте, там был чистый восторг. Сойка подлетала ещё раз
пять, пока у меня не закончились жёлуди, принесённые с со-
бой, а я не подошёл настолько близко, что птица еле влезала
в кадр. Всё было: и голубые глаза, и чёрные усики, и мощ-
ный клюв, но самое интересное — это жёлуди во рту. Мне
удалось заснять крупно голову сойки, где был набит и зоб, и

рот, и в клюве ещё она держала жёлудь, который уже никуда не влезал, а затихарить его надо было. На компьютере видно было даже орех, который чуть торчал в горле и лишь виднелся за передним жёлудем, зажатый кончиком клюва, — это чудо! Я не знаю, как у меня это получилось, как случилось, что я вижу всё это, да не просто вижу — я создаю эти кадры! Не могу привыкнуть даже спустя три года. Всякий раз, рассматривая удачные крупные портреты, я впадаю в какой-то ребяческий восторг. За что мне всё это!

Но финальная точка была ещё круче. В следующее воскресенье благодаря солнышку я рассчитывал улучшить кадры и повторить фотосессию, однако сойку пришлось ждать ещё дольше прежнего. От скуки я стал подсыпать семечки себе на панаму, на объектив, и ко мне за сосну стали прилетать московки и поползни. Они клевали с моей головы и садились на трубу объектива. А когда прилетела сойка, у меня в голове родился кадр, которому я и посвятил весь свой запас принесённых даров. Мне хотелось снять на телефон поползня, который сидел бы на моём объективе, а на экране камеры была бы сойка с пенька, и на заднем плане эту сойку можно было бы различить. Ну кайф, а!? Несколько заходов я подступался к этому моменту, но до конца он всё не складывался: либо сойка прилетала, когда на объективе никого, либо наоборот. Надо было дожидаться, когда всё случилось, а жёлуди с арахисом неумолимо шли к концу. И я дождался! Всё сложилось, как в том кубике Рубика. И поползень на

трубе, и сойка в кадре, и пенёк с птицей на заднем плане. Вот только одна деталь. Она придаёт моему снимку, который висит теперь у меня в комнате, завершающую изюминку. Видят её только профессиональные фотографы, обычному человеку её не понять. Это сервисный индикатор на экране камеры в правом углу. Перечёркнутая пустая батарейка... Всё сложилось в последнее мгновение, я успел сделать снимок на смартфоне всего один раз, и камера через секунду погасла...

А пенёк в нашей среде таких же птичканутых, как я, стал популярным, его так и прозвали — Волшебный. Многие фотографы и просто наблюдатели вдохновлялись, снимая птиц на нём, и, конечно, до сих пор на него кладут семечки и орехи, а на моём подоконнике всю зиму постепенно пустеет корзинка с желудями.

Глава 7. ДАЧА НА СДАЧУ

Когда всё наконец завалило снегом и снимать сойку даже с набитым желудями ртом на совершенно белом фоне сугробов стало уже неинтересно, я продолжал носить подношения магическому пеньку каждые выходные. Жена даже посмеивалась:

— Ну и кто кого надрессировал?

А с наступлением зимы мне втемяшилась новая блажь — сделать «открытую студию на заднем дворе». Так замысловато называли в зарубежных видосах развешанные кормушки и расставленные красивые ветки на даче))) Короче, я решил на зиму снять дачу и организовать там подкормку, присады, красивый фон и мягкое кресло на крылечке. Чтобы сидеть у штатива и, попивая кофеёк, а именно так учили делать заморские блогеры, снимать птиц.

Ну, вы уже знаете, куда я направился первым делом? Верно, на диван, в «Ютубы»-интернет и на «Авито» искать дачу под сдачу. Это сулило еще более детальный и архитектурный подход к съемке, теперь уже не совсем дикой природы. Но очень хотелось попробовать этот повышенный контроль за кадром, когда не ты бегаешь вокруг сцены, а по факту она вращается вокруг тебя.

Увы, таковых домиков в аренду в наших широтах не оказалось, никто на зиму почему-то дачу не хотел сдавать в

объявлениях. Видимо, спрос на огребание снега до домика был невелик, поэтому и предложений не нашлось. Пришлось кинуть клич по знакомым, и добрый человек отыскался. Мне совершенно безвозмездно и даже торжественно вручили ключи, когда узнали, что директор местной радиостанции хочет творчеством заняться в часы досуга, короткими зимними рассветами.

Перво-наперво я, конечно, произвёл разведку, подобрал местечко на участке, чтобы по утрам солнце было с удобной стороны и снимать можно было непременно с крыльца: мысль о кресле и кофе не отпускала. Немного разгрёб снег. Из кирпичей и прочей дачной древесины соорудил столик, расставил жерди для присад, нашлось даже пару приличных декоративных коряжек на веранде. Кормушки сделал сам из металлической сетки мелкой ячеи, скрутил побольше, литра на два, чтобы на неделю хватало запаса и не было надобности ездить пополнять. Развесил их и оставил всё как есть, пусть птицы спокойно без меня место это распробуют.

На следующий день, в воскресенье, я уже вёз с собой на дачу камеру, штатив, мягкий туристический стул, и кофе, конечно, не забыл в термосе. К моему приезду на кормушках уже понемногу собирались снегири и большие синицы. Моё появление, как и ожидалось, всех распугало, поэтому я спокойно пошебуршал на крыльце, подкинул арахиса на стол и, раскорячив штатив, уселся на стул за камерой, предусмотрительно поставив у ног термос. Стал ждать.

Синицы посмелее вернулись первыми, но их снимать было не очень интересно, хотя лазоревку на замшелой присаде и чистом фоне садового забора я поснимал с удовольствием. Снегири оооочень долго привыкали ко мне и подлетали, стесняясь. Солнце идеально высвечивало чистых, без веточного бурелома птиц, и я поснимал их вдоволь. Но от студии хотелось чего-то БОЛЕЕ студийного, и на неделе я решил подготовиться к постановке.

Так, чуть не проскочил самый главный момент. Вернёмся на дачное крыльцо в мороз. Кофе!

В какой-то момент, вконец отморозив оголённые пальцы на спуске, а на улице, надо сказать, был двадцатничек, я костяшками раскрутил термос, плеснул в крышку кофейку и приготовился к оргазму. Именно так имитировали своё состояние опытные заморские птичьи блогеры, всякий раз причмокивая и усердно рекламируя термосы. Мне причмокивать было не для кого, и рекламировать свой старый термос синичкам я тоже не собирался, но для порядку кофе должен быть. Я его, конечно, выпил, слегка тёплым и остывшим, ничего экзотического не испытал, но гештальт был закрыт. Можно было приступать к планированию следующего похода.

На неделе я купил красное с жёлтым яблоко, заказал на «Озоне» какого-то деревянного дракона с огненной подсветкой на батарейках, а всё потому, что наступал год Дракона, и абсурдная идея была — снять птиц верхом на огненном

драконе. Насобирав по дому всяких колосков, сухих стебельков с цветочного подоконника и стал поджидать субботы.

Снега навалило за неделю знатно, природа как бы проверяла мою прихоть на устойчивость. Пробьётся парень сквозь сугробы или заднюю даст. Нет, не дал, пробился. Час прогрёбал тропинку до домика, потом ещё долго расчищал пяточок на участке, где вся моя архитектура размещалась. Кормушки и столики оказались полностью под снегом. Засыпал семечки, разложил арахис на столе и художественно установил коряжки, колоски, яблоко и, как апофеоз, водрузил дракона. Художник-декоратор я тоже, как вы понимаете, диванный, и со вкусом у меня на этот счёт не всё в порядке. Ну, как есть. Весь задубел, пока всё это устраивал, уселся на крыльцо, термос решил опустошить сразу, пока он не остыл, и в этот раз горячий кофе как-то подбавил жару, вот только птиц не было.

За неделю без корма к застолью никто не прилетал, и они нашли себе, видимо, другое, более сытное место. В общем, съёмки не получилось от слова совсем: пара синиц на сетчатой кормушке, и никто не сел ни на дракона, ни к яблоку. Я так промёрз и, психанув, собрал манатки, перенёс всё со стола внутрь дома и всё-таки сбежал, оставив надежду до завтра, что птицы без меня найдут кормушку и слетятся, а утром я явлюсь вновь.

Так и вышло. За ночь ничего лишнего с неба не нападало, я с утра занял свой пост на крыльце, предварительно вер-

нув всю постановку на импровизированную сцену. Семечки и арахис подпрятал в снег, чтобы с камеры их не видеть, а с коряжки и дракона их было удобно клевать.

Ещё я с собой привёз кусок оливковой подкладочной ткани метра два на два и баллон с автомобильной коричневой краской. Ткань я на степлер присобачил к забору так, чтобы у меня не доски вертикальные фоном за сценой были, а литой однородный фон, а вот чтобы искусственный и ровный цвет немного превратить в природный хаос, я и напыскал из баллона бурой краской какие-то пятна и линии. Я не художник, я только дурачусь)))

И в этот раз всё случилось, жаль только, что солнца не было и шумновато всё. Но снегирь с синичкой сели к яблоку в цвет, как и задумывалось. И с драконом всё сработало не на 100%, конечно, но всё же. Включённую подсветку птицы на дух не переносили и не садились даже близко, а без огоньков — пожалуйста. Большая синица потопталась по нему ровно так, как мне и хотелось, и позы принимала хозяйские, деловые. Так что открыточка для друзей в ВК получилась прекрасная — на мутном оливково-коричневом фоне, со вкусом остывшего кофе.

Это был чудесный опыт! Я отведал вкус комфортной постановочной фотографии, узнал, как можно обустраивать кадр и прятать подкормку, попробовал даже поснимать со вспышкой, и это тоже обязательная программа для любого фотографа. Жаль только, не дождался я других птиц — се-

дого дятла, например, или хоть ту же сороку. Свиристелям клюква так и осталась под снегом, но это уж была бы программа максимум, а для счастья мне хватило и этого.

Справедливости ради стоит отметить заметную искусственность кадра. Ну не живая природа, наспех собранные веточки, фон и прочие детали, конечно, не могут соперничать с божьим промыслом и мне, например, резала глаз слепленность картинки. Про баловство с яблоками и драконом я уж молчу. Поэтому, возможно, я не стал пока развивать этот опыт.

Снегопады совсем замели подъезды к дачному домику, и больше туда я не попал. Только лишь когда стаял снег, наведаясь прибраться, вывезти своё барахло и вернуть хозяйке ключи с лучшими кадрами в благодарность. Спасибо за вдохновение!

Глава 8. ИСТОРИЯ РЕЗКИХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Когда к февралю я закончил свой первый цикл, свой первый год этого вдохновляющего увлечения, то решил отметить это дело и купил-таки себе оригинальный объектив Sony 200–600. Это было как веха того, что я не соскочил, и увлечение действительно вошло в мою плоть и кровь, и я буду с ним ещё долго. Я откладывал эту покупку несколько месяцев, именно сомневаясь: а не остыну ли я и не покупаю ли себе фантомную радость? Нет, я только разгорелся ещё сильнее! Объектив, о котором я так долго мечтал, оказался у меня в руках и подтолкнул увлечение с новой силой по спирали на очередной виток мастерства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.